

I. HISTORY

UDC 94(470) „18” „1920”

Genesis of Cossack Khutor (Farm Yard) and Generating of Peasant Proprietors in the Kuban Region from late XVIII Century till the end of 1920s

¹Aleksandr P. Skorik

²Irina M. Fedina

¹South-Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute), Russia
Dr. (History), Professor

²Kuban Social and Economic Institute, Russia
PhD (History)

Abstract. The article discloses the process of Cossack khutor establishment and development in the Kuban Region as the adapted social and economic world order of the migrated agricultural population. The change of the generations, which laid the basis of Cossack khutor prosperity by the early XX century is shown. The cause and effect relationship of decay of khutor household in the Kuban Region by the end of 1920s is indicated.

Keywords: nonresident population; Cossack Khutor; “Krasniy Oboz”; migration; migrants; types of settlements; brave Kuban residents; peasant proprietors.

Введение. В современный век урбанизации с образованием множества мегаполисов и неизменной привлекательностью городской жизни наблюдается достаточно четко выраженная тенденция сохранения и создания малых поселенческих образований, и речь идет вовсе не о «рублевских затворниках» в Подмосковье, а о хуторской системе поселений на Кубани, 220-летняя история которой восходит к началу переселения запорожцев на новые земли. Причем, хуторской тип поселений тогда даже начал в определенной мере доминировать, или, по крайней мере, нисколько не уступал по своей востребованности в казачьей среде традиционным куреням. В структуре хуторского поселения были сконцентрированы многообразные взаимодействующие и взаимопроникающие факторы – природно-климатические, географические, хозяйственно-экономические, социальные и психологические особенности.

Форму землепользования «с нравом вольной заимки» запорожские казаки перенесли на Кубань со своего прежнего места проживания. Из 40 первых куреней, основанных 25 тысячами новоселов, выделилось довольно много лиц, поселившихся отдельными хуторами по берегам степных кубанских рек. Пионерами обособленной жизнедеятельности на Кубани, первыми хуторянами становились казачьи чиновники, пользовавшиеся большим

влиянием в ходе развернувшегося переселения, и наиболее зажиточные казаки [1]. Земельная воля, когда, как в распространенном анекдоте, запорожцу, помимо уже законно имеющегося земельного надела, можно было прихватить землицы и «на помидорчики», подстегивала казаков получить отдельный земельный участок и обустроиваться, непременно сохранив связь с куренем, с основным станичным поселением.

Обсуждение. В историографическом плане казачий хутор остается малоизученной и несколько полузабытой страницей в региональном историописании. Известный кубанский историк Ф.А. Щербина в своей работе «Земельная община кубанских казаков» обозначил два основных вида поселений, сложившихся в Черномории к началу переселения казаков: курень и хутор. Критериальное различие между ними, по его мнению, заключалось в том, что «курень был поселением административным и хозяйственным вместе, хутор по преимуществу хозяйственным» и что необходимость существования хуторов в Черномории «вытекала из хозяйственных потребностей отдельных лиц, как самостоятельных предпринимателей» [2].

Одним из первых красноречивых исторических свидетельств об образовании казачьих хуторов на Кубани стало сообщение войскового судьи, полковника Антона Андреевича Головатого от 26 сентября 1794 г. в войсковом правительстве. В нем отмечалась: «пришедшие и ныне приходящие на войсковую землю сего войска старшины и казаки, не поселяясь на назначенных под куренные селения местах заводят свои хутора по разным рекам и урочищам, чем навлекают куренным атаманам в выставлении на службу казаков и в отыскании праздношатающихся по войсковой земле и не принадлежащих к войску беглых из разных мест великое затруднение» [3].

Итак, образование хуторов, с одной стороны, объяснялось изначальным стремлением казаков к хозяйственной обособленности, а с другой – известной перенаселенностью (отчасти также объясняемой вынужденной скученностью жителей из-за набегов горцев) кубанских станиц, что даже при наличии организационно-хозяйственных сложностей подстегивало определенную часть казаков выделяться на хутора. В результате обозначенных обстоятельств каждая крупная кубанская станица насчитывала не менее 10 – 40 хуторов. Так, станица Марьинская «обросла» небольшими поселениями настолько, что в юртовом пределе оказалось даже 45 хуторов. В описании станицы Васюринской, насчитывавшей 32 хутора, отмечалось: «В юрте станицы очень много хуторов, расположенных по течению рр. Кочеты 2-е и Кочеты 3. Хутора, как и сама станица, летом тонут в зелени садов и рощиц. Заниматься хозяйством, разводить птицу, скот гораздо удобнее на хуторах» [4].

Особенности исторического типа кубанского хутора становятся очевидны при его сравнительно-историческом анализе с центрально-российским вариантом. Говоря о поселенческом сходстве и различии с хутором крестьянским, следует заметить, что, для центральной России хутор представлял собой, прежде всего, малый населенный пункт, состоявший, как правило, из одного, значительно реже из нескольких домохозяйств, и рассматривался как располагающаяся отдельно от деревни (села) крестьянская усадьба со своим обособленным хозяйством. Казачий хутор также формировался как относительно небольшое хозяйственное поселение, но гораздо чаще, чем в центральной России, он состоял минимум из нескольких домовладений, и даже по сравнительной численности домовладений, особенно к концу XIX – началу XX вв., казачий хутор явно превосходил крестьянскую деревню. Более того, в казачьих землях хутор по исторически сложившейся смысловой перспективе приобретал несколько иное значение. В изданном в 1925 г. «Списке населенных мест Северо-Кавказского края» перечислено громадное количество хуторов, в том числе кубанских [5]. Причем, в рассматриваемой исторической перспективе росло не только само количество хуторов, но они все более и более превращались в многодворные населенные пункты с постоянным местом жительства для сотен казаков, да так что хутора превышали численность населения центрального поселения. Эти хутора по материальному благосостоянию подавляющего большинства населения были довольно зажиточными, такие как, например, хутор Новоивановский, который образовали, равно как и многие другие кубанские хутора, переселенцы из числа запорожцев, а значит, по утверждению самих жителей, Новоивановский обосновался стараниями ряда поколений «храбрых кубанцев». В хуторе насчитывалось 387 дворов казачьего коренного населения, имелась кирпичная

церковь, церковно-приходская школа, общевоинской завод, 4 торговых лавки, и в распоряжении жителей числилось 14 тыс. десятин общественной земли [6].

Вместе с тем, мы находим так называемое «обособленческое» сходство между хутором казачьим и хутором крестьянским, поскольку и зажиточные крестьяне, и самостоятельные казаки целенаправленно стремились к хозяйственному выделению. Одновременно здесь же начинается различие между рассматриваемыми нами типами хуторов. Казачий хутор могли образовать отнюдь не обязательно очень зажиточные казаки (богатели хутора уже потом, исключительно постоянными хозяйственными стараниями жителей), т.е. в казачьих землях вовсе не действовал столь однозначно принцип экономического расслоения населения. Как уже отмечалось, к созданию хуторов на Кубани, например, заметно тяготели казачьи чиновники.

Нередко наблюдалось вполне обычное выделение хуторов из общего земельного юрта станиц, для чего достаточно было наличия письменного выраженного желания жителей станицы на дополнительный надел «на жительство». Принимался во внимание и наличествующий прирост населения данной станицы. Если в земельном довольствии казаки оказывались стеснены, то направляемые просьбы заслуживали удовлетворения. В ряде таких постановлений подчеркивалось: «разрешить коренным жителям казачьего сословия переселиться на всегданнее жительство на дополнительный надел в образовавшийся новый хутор». В этих случаях появляющиеся хутора имели одноименные названия со станицами, и они поныне существуют на Кубани. К примеру, к станице Куцевской примыкает хутор Куцевский, к станице Кореновской (ныне г. Кореновск) – хутор Кореновский и т.д. Кроме того, переселенцам выдавались подъемные (денежные средства) на обзаведение хозяйства, составлявшие 300 руб. (данные на 1913 г.), и на организацию общественного хуторского хозяйства по 51 руб. 47 коп. Всего казачья семья из семи человек получала 2100 руб. подъемных и на обзаведение хозяйства 360 руб. 29 коп. Из общественного хлебного магазина выдавался будущим хуторянам хлебный запас по 1 четверти озимого [57,33 кг, т.е. примерно мешок] и 4 меры ярового зерна [4 мешка по 57,33 кг, или больше] на каждого человека. Кроме определенного станичным приговором (решением) пособия, переселенцы никакой другой материальной помощи и льгот не получали [7]. Тем самым, казачий хутор возникал на свободных землях, но обязательно в пределах отведенной территории станицы. Именно в этом заключается коренное отличие казачьего хутора от хутора крестьянского.

Хутор, вне всякого сомнения, представлял собой особую социально-экономическую единицу и в центральной России, и в казачьих землях, но для казаков это обстоятельство отнюдь не было таким решающим. Хуторской крестьянин во внутренних российских губерниях по существу выступал исключительно как выделившийся из крестьянской общины сельский предприниматель, сосредоточивший в своих руках хорошие земли и ключевые хозяйственные объекты, прежде всего, мельницы, и это его сущностная характеристика становилась генерализующим основанием во взаимодействии с остальным, более бедным крестьянским миром. Кубанские же хутора располагались не только на пригодных для хлебопашества местах, но и на территориях мало приспособленных для земледелия. Примером тому служит хутор Чухрак. Он располагался на реке Большой Зеленчук в 10-12 верстах от станицы Удобной. К середине XIX в. хутор, насчитывающий приблизительно сто дворов, «вполне планомерно расположенных между собой с богатыми и капитальными надворными сооружениями роскошными фруктовыми садами, рощами и огородами», самостоятельного управления не имел, и все жители входили в состав общества станицы Удобной. «Благоустроенность нашего хутора – плоды наших рук вызывает не только удивление, но и зависть тех, кто хотя однажды побывал в нем, а между тем все пространство, примыкающее к окрестностям хутора за весьма ничтожным исключением представляет собой крайне неблагоприятную территорию для хлебопашества и сенокосов», – так отзывались сами жители о своем хуторе [8].

Хуторской тип поселения неизбежно формировал и хуторскую ментальность. И если хуторской состоятельный крестьянин в известной мере отмежевывался от большого крестьянского мира, согласно русской поговорке, «моя хата с краю, я ничего не знаю», то казак неизменно тяготел к своему казачьему сообществу, иначе он переставал быть казаком. Особенности хуторского казачьего менталитета, безусловно, на наш взгляд, нуждаются в самостоятельном научном исследовании, но в данном контексте они для нас выступают

критериальным отличием. Вовсе не случайно в глазах партийно-советских чиновников 1920-х гг. хуторяне и отрубники выглядели как исключительно чуждые духу советского коллективизма индивидуалисты, единоличники. Ведь, по глубокому и довольно стойкому убеждению партийных функционеров, иронично обыгранному А.П. Платоновым в его знаменитом «Котловане», «в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма» [9], не говоря уже об отдельных земельных участках и хуторах.

Казачий хутор вполне может рассматриваться как уникальный способ жизнедеятельности на Юге России, где материальное обогащение не поставлено во главу угла. Здесь зачастую важнее сама возможность самостоятельного хозяйствования, не скованного жесткими поселенческими пределами. Если первоначально казачий хутор на Кубани состоял, как правило, из однокомнатного плетневого дома с сенцами и кухней, амбаром и сараем [10], то затем хутора стали разрастаться и по количеству домовладений, и по численности самих поселений. Войсковое правительство даже пыталось бороться с «хуторянами», но практически безуспешно. В феврале 1797 г. последовал указ о переселении всех (за исключением тех, кто уже имел так называемые «открытые листы» на хутора) старшин и казаков в более крупные, куренные селения. Этот указ казаки попросту проигнорировали. 15 февраля 1801 г. Войсковая канцелярия приказала «строжайше» куренным атаманам и окружным правлениям: «Непременно и без всяких отговоров всех жительствующих футорами старшин и казаков к переселению в куренные селения неослабно понуждать...» [11]. Общевоинская борьба с хуторами, по мнению исследователя Б.Е. Фролова, велась в Черноморском войске и в последующие годы, но без ощутимых результатов [12]. Казачьи хутора своей массой нередко преобладали над основным станичным поселением. Владельцы хуторов в XIX в. сосредоточили в своих руках такое количество земли, каким не пользовались даже станицы. Кроме того, они считали себя вправе «перегонять свои стада с места на место по лицу всей Черномории, где только есть лучший, непотравленный корм». Если к началу XIX в. на Кубани насчитывалось всего 525 хуторов, то к концу 1860-х гг. их количество достигает 3000 [13].

Бурный рост хуторов объяснялся не только хозяйственным развитием региона, но и свидетельствовал о том, что казачий хутор выступал своеобразным житейским вариантом ухода от административного давления, способом уклонения от исполнения общественных повинностей, хотя по определению казачий хутор именно в том же административном отношении привязывался к основному поселению, чего нельзя никак сказать о хуторе крестьянском. Обращаясь с просьбами об отделении, хуторяне на Кубани обязывались «на свои средства содержать хуторское правление, всех должностных лиц, отбывать по Положению все натуральные общественные и денежные повинности, поставлять на службу казаков и приложить свои старания и силы поддержать наше будущее благосостояние на высоте гражданского долга и достоинства верных Отечеству казаков» [14].

Нередко между станичным обществом и хуторами возникали затяжные межпоселенческие конфликты. Станичные общества извлекали немалую материально-экономическую выгоду от наличия в своем составе многочисленных хуторов и активно использовали их общие земельные и лесные угодья, взамен ничего не выделяя на долю хуторов. В изученных нами архивных коллекциях документов отложилось немало дел с просьбами жителей различных кубанских хуторов об административном отделении их от станиц. Для самостоятельного функционирования хутору необходимо было тогда выполнить ряд условий, а именно построить здания правления, хлебного магазина, школы(!) и церкви. Примечательно, что к школам хуторяне относились очень трепетно, утверждая «что дети без школы, – покойники без погребенья, люди без духовного назидания – укор нашей совести» [15].

Иногда хуторяне добивались лишь временного решения актуального для них вопроса, поскольку станичные правления не спешили «отпускать в вольное плавание» хуторские хозяйства, как произошло, к примеру, с хутором Кубанский Майкопского отдела. Хутор в административном порядке отделили от станицы Кубанской того же Майкопского отдела по указу № 26 161 Кубанского областного правления от 27 июня 1900 г. Отделение состоялось в земельном отношении с выделением хутору земельной площади от земель станичного юрта и с учреждением в нем хуторского управления. Причем, раздел этот считался временным, сроком на 10 лет с тем, чтобы по истечении его Кубанским станичным совместно с Кубанским хуторским обществом был бы вновь произведен новый передел с учетом жителей

мужского пола. Отделение хутора от станицы сопровождалось обязательным учреждением управления, прежде всего, по причине «просьб хуторян о значительной отдаленности этого хутора от станицы, что при неудобных путях сообщения и, в особенности, при распутице и разливах р. Пшехи затрудняло правильный полицейский надзор и вследствие постоянно возникающих недоразумений между жителями станицы и хутора из-за землепользования. Окончательно отделен от станицы Кубанской, новый передел право через 10 лет» [16].

В архитектурно-планировочном отношении казачьи хутора, как правило, размещались на местности довольно беспорядочно и преследовали в этом случае цель удобства проживания для самих казаков. Такая беспорядочность оставалась в некотором смысле залогом сохранения казачьего хутора на свободной территории Черномории. Всякое перенесение хутора на другое место требовало больших материальных затрат, сопряжено было с потерями для владельца, и поэтому казаки упорно отстаивали свое право на такое поселение. Большинство кубанских казаков настойчиво защищали хуторскую форму поселений, вплоть до окончательного утверждения советской власти в начале 1920-х гг. Анализ исторических источников позволяет установить совокупность мотивов в демонстративном позиционировании казаками именно такой модели экономического поведения. Во-первых, в обосновании хуторского обособления казаки непременно апеллировали к своему традиционному казачьему мироустройству, или, говоря языком того времени, «общественному и хозяйственному быту». Во-вторых, ими обязательно подчеркивались специфические экономические социально-групповые качества казачества как «врожденных хозяев-хлеборобов, привыкших трудиться на своих собственных наделах». В-третьих, выделенные земельные участки с хуторским поселением неизменно подтверждали особую форму казачьей земельной собственности, составляя тем самым «основу хозяйственности» для кубанского казачества. В-четвертых, казаки видели в хуторской обособленности сохранение «достоинства и независимости казачества». Именно поэтому в архивных коллекциях Государственного архива Краснодарского края отложилось немало коллективных обращений казаков, составленных ими в начале 1920-х гг., в том числе, адресованных для получения желаемого результата в Екатеринодарский отдел Кубанской области, с непреклонными ходатайствами «разрешить поселение на хуторах» [17].

Вместе с тем, хутора для части казаков служили в XIX – начале XX вв. исключительно как летний кош, где они размещались на время проведения основных сельскохозяйственных работ, а на зиму эти казаки перебирались в свой основной станичный дом, в свой курень, чего не практиковалось в центральных российских губерниях. Судя по сохранившимся архивным документам, на Кубани такое отношение к хуторским поселениям было весьма распространенным хозяйственным явлением. Скажем, в приговоре (решении) станичного схода жителей станицы Новомышастовской Ейского отдела от 14 сентября 1910 г. говорится о переселении на хутор Кухаривский. Обосновавшиеся там станичники, тем не менее, круглогодично жить за пределами станицы отказывались и вовсе не стремились окончательно переселяться на свой хутор. Они использовали его в качестве летнего коша, или же сдавали принадлежащие им хуторские усадьбы в аренду на выгодных для себя условиях, фактически проживая в самой станице Новомышастовской [18].

Создание казачьего хутора на Кубани изначально рассматривалось в качестве способа освоения новых земель, методом колонизации территориального пространства с неизбежной функцией защиты от нападений представителей других народов, также претендовавших на эти земли, являвшиеся, тем самым, относительно свободными землями. Так, «в конце XVIII века на левом берегу Протоки, там, где нынче хутор Бараниковский, был выставлен казачий пикет от станицы Полтавской. Это был сторожевой пункт, в цели которого входило предупреждение полтавских постов, расположенных на правом берегу протоки, о вражеских разъездах горцев, иногда заходивших в эти края» [19]. И таких примеров можно привести немало [20].

С установлением советской власти большевики стали планомерно разрушать создаваемый годами, десятилетиями земледельческого труда кубанский локальный казачий мир, одним из важнейших оснований которого выступал хуторской тип поселений. Противостоящим ему антиподом советская власть выдвинула крупные поселенческие структуры с коллективными формами хозяйствования. Марксистская схема крупного машинного производства безапелляционно инкорпорировалась в кубанские казачьи хутора.

Новые власти приступили к внедрению закрепленного постановлением ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». Оно ориентировало на переход земледелия от единоличных форм хозяйствования к крупным советским хозяйствам, коммунам, сельскохозяйственным артелям и др.

В соответствии с большевистской доктриной в 1919 г. началась подготовка на Кубани к передаче крупных имений хуторского типа в социалистическую собственность. Так, например, происходит новое земельное межевание в хуторе Яблоновский, принадлежавшем семье Яблоновского. По требованию Екатеринодарского отдельского исполнительного комитета изымается 305 десятин из части участка в 1277 десятин и 92 кв. саженей в пользу свободной коммуны Екатеринодарского отдела. Весьма характерно, что вышеназванное властное решение просто закрепило, образно говоря, «земельный беспредел» коммунаров. Как отмечается в документе, «изъятие в виде риэлтерского захвата продолжалось в течение года» [21]. Тем самым, индивидуальные казачьи хозяйства не вписывались в социалистическую систему коллективного ведения хозяйства, противоречили ее принципам, безапелляционно считались неэффективными, слабо связанными с рынком и не способными использовать передовую технику, современные методы хозяйствования.

Однако изменение хуторских поселенческих структур с установлением советской власти на местах приобрело две разнонаправленные тенденции. Если в центральной России начался активный процесс ликвидации хуторов и переселения крестьян в деревни и поселки [22], то в казачьих регионах все происходит с точностью до наоборот: хутора начали уплотняться и активно заселяться, прежде всего, иногородним населением, и одновременно стали создаваться новые небольшие поселения для «местного малоземельного населения». В этой связи обращает на себя внимание обобщение опыта решения земельного вопроса в постановлении Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета в октябре 1923 г. и реализации правовых норм Земельного кодекса Кубано-Черноморской области 1922 г. В постановлении даже специально выделялась категория этих людей – «расселенцы» и в пункте 2 названного акта указывалось: «Всем гражданам, имеющим право наделения землею в порядке ст. 9 Земкодекса, проживающих в населенных пунктах признанных малоземельными и желающих получить землю, если они безземельные или расширить свое землепользование, разрешается выселиться на свободный запас земель Кубчеробласти» [23]. Более того, «расселенцам» «с целью предоставления... наибольшей свободы» предоставлялось право выбора места расселения, для чего предлагалось «разбиться на несколько групп, с количеством не менее 50 семей каждая». Новым «расселенцам» с согласия областного экономического совещания устанавливались «льготы, в виде полного или частичного освобождения их от исполнения общегосударственных местных повинностей: воинской, продналоговой, и пр. в теч. 1 или несколько лет устройства на новых местах». Заметим, о казачестве при этом не говорилось, и его насущные экономические интересы не учитывались, ибо власти шли «навстречу желанию преимущественно беднейшего с/х населения» [24], к которому казачество в преобладающей своей массе не относилось.

Естественным союзником большевиков в ликвидации казачьего хуторского землепользования на Кубани выступила широко развернувшаяся стихийная миграция населения, в свою очередь, вызванная последствиями революционных социальных катаклизмов и кровопролитной Гражданской войны, на фоне которых разразился аграрный кризис и сопутствующий ему голод в российской деревне. Крестьянский миграционный поток хлынул в считавшиеся более благодатными районы Кубани. Теперь уже основателями многих хуторов становятся красноармейцы, бывшие красные партизаны и переселенцы из центральных губерний.

Большевики пытаются целенаправленно использовать сложившуюся социально-экономическую ситуацию для реализации своей политической доктрины и предпринимают соответствующие попытки управления миграционными потоками, чтобы привлечь новых прозелитов на свою сторону теперь уже в относительно мирном противостоянии с белогвардейской, по сути, Кубанью. В 1923 г. советское правительство обратилось к горцам с предложением переселиться в предгорье, на пустующие земли крупных землевладельцев, вынужденных, по понятным причинам, покинуть родные кубанские хутора. На призыв

власти активно откликнулись эстонцы, немцы, греки, искавшие благоприятные места для проживания. Также на Кубани предпочитали селиться целыми хуторами беженцы из Армении, занимавшиеся хлебопашеством и скотоводством. Только в Ходыженском районе в 1925 г. ими были основаны хутора Туби, Маратук, Гунайка, Гойтх и др. [25]

Кубанские хутора становились для переселенцев хорошим жизненным пристанищем, и они обустроивали свои новые поселения всерьез и надолго, рассчитывая на благоприятную жизненную траекторию и благополучные социально-экономические перспективы. Так, бывшие казачьи хутора, заселяемые немцами, отличались своей чистотой и ухоженностью земельных наделов, садов и огородов. К примеру, хутор Морланг станицы Ладожской, по сохранившимся описаниям очевидцев, оставлял хорошее внешнее впечатление как прекрасно организованное поселение с широкой улицей, добротными домами, церковью и школой. Лишь в 1940-е гг., когда по известным причинам немцев выселили из района, от прежней присущей ухоженности хуторских поселений не осталось и следа [26]. Кстати, в сложные времена 1920-х гг. многие хутора, в отличие от нынешних малых сельских поселений, имели собственные школы. Причем, по данным ОГПУ, которым нет оснований не доверять, отложившимся в архивной коллекции фонда Майкопского окружного комитета ВКП(б) Центра документации новейшей истории Краснодарского края, хуторяне содержали учителей за свой счет вплоть до 1925 г. [27].

Топонимика кубанских хуторов 1920-х гг. как лакмусовая бумажка прекрасно отразила советскую направленность переселенческой политики государства, когда одновременно с созданием коллективных хозяйств на карте Кубани появлялись хутора со звучными для того времени наименованиями. Это великолепно иллюстрирует советскую политическую практику стирания неблагожелательного имени, когда публичности советских наименований придавалось особое значение, порой даже в ущерб просто здравому смыслу, ибо первостепенным здесь являлось доминирование социалистического настоящего над представлявшимся тогда менее презентабельным историческим прошлым. Скажем, мы обнаружили в аккумулируемых исторических источниках кубанские хутора имени Л.М. Кагановича, В.И. Ленина, К. Маркса, Октябрьский, Советский и др.

О мощности миграционных потоков и активности миграционной политики свидетельствует образование в каждом районе сразу по нескольку хуторов. К примеру, в Отрадненском районе, только в 1925 г., переселенцы образовали 7 хуторов, у каждого из которых сложилась своя поселенческая история. Местные краеведы отмечают, что хутор Муравьи населялся жителями из разных мест; хутор Красный батрак был основан батраками помещиков Мазаева, Макеева, Стоянова; хутор Веселый возник путем организации животноводческой фермы из числа коров, экспроприированных у раскулаченных в станицах Подгорной и Бесстрашной [28]. Большинство переселенцев создавали хутора на бывших помещичьих землях, причем часть новых хуторян получала в бесплатное пользование земли исключительно за лояльное отношение к советской власти. Лояльность жителей хуторов к власти определялось исключительно составом населения. К разряду устойчивых относили хутора, населенные иногородними и принимавшие активное участие в Гражданской войне на стороне красных, жители которых стояли полностью на советской идеологической платформе. Органы ГПУ относили к неустойчивым целый ряд довольно крупных хуторов с казачьим населением, среди них Казаче-Малеваный, Бабиче-Кореновский и ряд других [29].

В 1920-е гг. изменяется и внешний облик кубанских хуторов, когда от бывшего благополучия почти не остается и следа. Прибывая на Кубань, переселенцы строили первые землянки и заселяли хутора двумя или тремя рядами домов вдоль водоемов или рек. Возводились дома турлучные, саманные, с применением простейших строительных технологий и использованием подручных материалов. Крыши сооружали из соломы, камыша или вообще укрывали кукурузными стеблями (бадылкой). Внутри каждого двора вырывали колодец, из которого брали воду для домашней стирки, поили животных и птицу. Во дворах имелись погреба для хранения продуктов питания. При описании одного из таких хуторов станицы Вальяновской В.П. Ставский отмечал: «Из станицы вышло на хутор восемьдесят дворов – почти все бывшие красные партизаны. И хутор назвали Красноматвеевским – в честь покойного командующего Таманской армии [И.И. Матвеева – Авт.]. Огромное большинство впервые получало землю». Еще более красноречивым в

цитируемом очерке представляется сам хутор: «Хуторок Красноматвеевский – в 18 верстах от станицы – разбросан по берегу речушки. Хатки все маленькие, только две-три под железом, остальные крыты камышом. Амбары и сараи не в каждой усадьбе. В углу хаты, разукрашенного портретами вождей – в центре портрет Ильича, убранный расшитыми полотенцами...» [30].

Внешняя убогость части кубанских хуторов 1920-х гг. объясняется во многом тем, что переселенцы нередко прибывали из очень отдаленных мест, поэтому их благоустройство на хуторах носило минималистский характер, ведь главной задачей являлась организация пропитания своих семей. Эта витальная суперзадача и превращала бывший цветущий кубанский хутор в банальное захолустье. Сложившуюся ситуацию подтверждают и воспоминания первых переселенцев: «Мои родители ехали на Кубань с Дальнего Востока на лошадях. За время пути родилось трое детей. Приехали. Хутор был таким, как и все. Хуторяне трудолюбивый народ, жили дружно и мирно, сеяли, пахали, убирали урожай, выращивали скот и птицу» [31].

Прежний большой кубанский хутор нередко дробился на отдельные мелкие хутора, поглощая миграционные потоки и переселенческое движение из разных мест. В результате возникали целые компактные группировки хуторов. Показателен в этом отношении пример формирования хуторов на землях бывшего имения «Курго», принадлежавшего в свое время известному на Юге России торговому дому «А.М. Ерошов и сыновья». Сразу десять хуторов возникли на землях прежнего имения еще в начале 1920 г. Нам удалось восстановить ориентировочные названия этих хуторов: Братский, Фокин (вероятно, было два хутора с таким названием: Фокин 1-й и Фокин 2-й), Процай, Городской, Терновский, Мелехов, Беляев. Земли бывшего имения «Курго» вошли позднее в Курго-Терновский сельсовет, а сегодня они по большей мере скрыты под водной гладью Краснодарского водохранилища. Проживало тогда, в 1920 г., в вышеназванных 10 хуторах примерно 150 человек.

В целях объединения и укрупнения хуторов Екатеринодарский (Краснодарский) отдельский отдел управления Кубано-Черноморской области при рассмотрении вопроса об административно-территориальных изменениях 19 августа 1920 г. постановил: «Хотя переселение хуторов на лучшие и более удобные земли для хлебопашества не лишнее, вследствие исключительного времени отсутствия из домов работников в ряды Красной армии, крайнее разорение крестьянского хозяйства от международной и гражданских войн заставляет решить вопрос в пользу объединения хуторов» [32]. К тому же выяснилось, что жители хуторов, располагавшихся на землях бывшего имения «Курго», переданного в хозяйственное пользование Кубчероблпродкому, земельные участки засевали выборочно, что затрудняло организацию землепользования для ведомственного учреждения, и Кубчероблпродком добивался решения поставленного вопроса: или путем переселения, или концентрации землепользования для этой группы хуторян [33].

С установлением советской власти хуторяне были охвачены масштабной пропагандистско-идеологической работой, при этом часто и с размахом проводились коллективные собрания, революционные праздники и т.п. На массовые собрания, организованные при сельсоветах, привлекались, прежде всего, беднота и иногородние. Преимущественно собрания созывались перед проведением очередных политических кампаний, землеустройства, перевыборов. Однако из-за бедности и убогости хуторов, что подтверждается в ряде сохранившихся отчетов за 1926 г., многие жители не могли принять участие даже в избирательной кампании: «В двух хуторских советах Курганного района, где ячейки разбросаны и малограмотны, там руководить избирательной кампанией не в состоянии... Многим тормозит распутица, беднота не в состоянии за отсутствием обуви принять участие в перевыборах» [34].

Постепенно хуторян приучали к новым революционным праздникам. Показателен пример хутора Веселого станицы Воронежской, где проходило в 1925 г. празднование Первомая. «К 1 мая все граждане и красноармейцы собрали с носа по 10 копеек и справили 1 мая. В этот день был проведен митинг, после митинга пошли на кладбище, на котором похоронены красноармейцы и вернулись к зданию, где раздавались крики «Ура», «Да здравствует Первое мая», «Да здравствует международная революция». Все хлеборобы и красноармейцы заявили, что в будущем они еще теснее возьмут связь с рабочими города» [35]. Тем не менее, случались и казусы в проникновении революционных

праздников в сознание хуторян. В 1925 г. в хуторе Бражниковский Кореновского района 1 мая праздновали 2 мая, т.е. на 1-й день христианского праздника Пасхи [36]. Трудно сказать: или же сами хуторяне решили совместить старое и новое в праздничной народной обрядности, что, в общем-то, не удивительно для того времени, или же это был своеобразный пропагандистский ход местных активистов.

Советские праздники постепенно все более и более увязывались с хозяйственными достижениями. В период организации колхозов одним из распространенных явлений стала организация «красных обозов», когда в массовом порядке на десятках, а то и сотнях телег в мешках везли по деревенским и городским дорогам продовольственное зерно. На передних телегах «красного обоза», как правило, закрепляли соответствующие транспаранты с характерными советскими призывами. Эта пропагандистская акция с большими колоннами телег должна была символизировать «смычку города и деревни», равно как и необычайную мощь обобществленного труда, несомненные успехи колхозного строительства, большие возможности колхозов по сбору урожая, непререкаемую радость хлеборобов, везущих зерно на хлебосдачу. Вот так и на Кубани в 1929 г. с целью организации красных обозов по хуторам отправлялись агитпоезда с кинопередвижкой, культотряды – «синеглазники» (т.е. революционно-агитационные эстрадно-театральные коллективы) проводили антирелигиозные кампании, устраивали «живые» спектакли с прославлением социалистических мероприятий [37].

Однако хуторяне и с началом коллективизации хорошо помнили и при первой возможности стремились восстановить хуторскую организацию землепользования. Так, в симптоматичной докладной прокурорской записке указывалось, что 23 марта 1930 г. в х. Борзиковском (Брюховецкий район) «были самоуправно разобраны по домам лошади, находившиеся в колхозной конюшне. Никакие доводы со стороны уполномоченных района не подействовали, гражданами было заявлено, что сев пропашных культур будет производиться индивидуально и продолжать коллективный сев колосовых на площади отведенной колхозом отказались, заявляя, что на площади ранее принадлежащей хутору они сев произвели, а остальная часть степи их хутору не принадлежит поэтому от ее отработки отказываются».

Любопытен при этом социальный состав населения хутора Борзиковского, состоявшего, по свидетельству прокуратуры, целиком из иногородних. Из имевшихся домовладений 74 двора относились к середняцким хозяйствам, 20 дворов к бедняцким хозяйствам и только 4 двора к зажиточным хозяйствам. В хуторе Борзиковском проживало до 35 % красных партизан, «которые на собраниях никому не дают разговаривать, ругаются, стучат табуретками о пол и высказывают демонстративно: «оставьте нас в покое, мы завоевали эту землю и желаем на ней жить свободно. Советская власть не дает возможности развиваться крестьянскому хозяйству. Коллектив не нужен – в Германии нет коллективов, а крестьянам живется хорошо. Хлеба мы советской власти даем много, а куда он девается что его не хватает неизвестно. В коллектив идти не желаем потому что теперь почувствовали себя хозяевами и только теперь мы стали цвести, хлеба в городах было бы достаточно, если бы был свободный рынок чтобы хлебороб свободно мог продать хлеб на вольном рынке. На собраниях пришлось долго разъяснять о необходимости колхозного строительства» [38].

Заключение. Таким образом, кубанский хутор оказался актуальной поселенческой структурой на протяжении достаточно длительного исторического периода и пережил в своем развитии несколько стадий. Первую стадию мы связываем с переселением запорожских казаков на Кубань, когда хозяйственное обособление становилось залогом жизненного благополучия части казаков. Век XIX стал кубанского хутора периодом расцвета, когда эти поселения преуспели и в благоустройстве, и в расширении земельных владений, и в создании имен, свидетельствовавших о благополучии владельцев хуторов. Кубанский хутор растет в количественном отношении и становится многодворным поселением. В наступившие советские времена (третья стадия) кубанский хутор отчасти хиреет, становится заложником политических амбиций правящей партии и нередко превращается в захолустье под давлением миграционных потоков и в значительной мере разрушается как локальный казачий мир с развертыванием сплошной форсированной коллективизации.

Примечания:

1. Гольдендул И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Репринт. изд. 1924 г. Краснодар, 2009. С. 28-30.
2. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков. Екатеринодар, 1891. С. 20-21.
3. Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 7. С. 12-21.
4. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани // Михайлов Н.Т. Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сёл, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области). М., 2008. С. 533.
5. Список населенных мест Северо-Кавказского края. Ростов н/Д., 1925.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 190. Л. 2-3.
7. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 190. Л. 64.
8. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 183. Л. 2-3.
9. Платонов А.П. Котлован // Платонов А.П. Государственный житель. Проза. Ранние сочинения. Письма. Минск, 1990. С. 160.
10. Гангур Н.А. Материальная культура Кубанского казачества. В 2 т. Краснодар, 2009. Т.1. С. 32-33.
11. Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 7. С. 12-21.
12. Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 7. С. 12-21.
13. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 104.
14. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 183. Л. 4.
15. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 183. Л. 4.
16. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 158. Л. 4
17. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 216. Л. 22-51.
18. ГАКК. Ф. Р-449. Оп. 5. Д. 217. Л. 90.
19. Андрияш Н.А., Заболотный Н.Л. Славянск на Кубани и Славянский район. Страницы истории. Краснодар, 1995. С. 57.
20. См., напр.: Пронштейн А.П. Роль казачества и крестьянства в заселении и хозяйственном освоении Дона и Степного Предкавказья в XVIII – первой половине XIX века // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1982. № 1. С. 55; Матвеев О.В. Присоединение Кавказа к России современное состояние вопроса // Дискуссионные вопросы Российской истории. Арзамас, 1995. С. 87-91.
21. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 66. Л. 28-29.
22. Кононов А.А. Процесс сселения хуторов на Псковщине // Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2006. С. 167-172.
23. ГАКК. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 208. Л. 2.
24. Там же.
25. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 2816. Оп. 1. Д. 130. Л. 2.
26. Дергунов Ф.С. История станицы Ладожской. Краснодар, 2000. С. 30-31.
27. ЦДНИ КК. Ф. 2816. Оп.1. Д. 65. Л. 2.
28. Наша малая Родина – Отрадненский район Краснодарского края (страницы истории). Отрадная, 2009. С. 45-46.
29. Архив ГУВД Краснодарского края. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 45.
30. Ставский В.П. Станица. Кубанские очерки. М., 1930. С. 106.
31. Наша малая Родина – Отрадненский район Краснодарского края (страницы истории). С. 45-46.
32. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 122. Л. 92.
33. Там же. Л. 93.
34. ЦДНИ КК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л.14.
35. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 104. Л. 2.
36. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 104. Л. 89.
37. ГАКК. Ф. Р-1050. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.

38. ГАКК. Ф. Р-1050. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

УДК 94(470) „18” „1920”

**Генезис казачьего хутора и генерации хуторян на Кубани
с конца XVIII века и до конца 1920-х годов**

¹ Александр Павлович Скорик

² Ирина Михайловна Федина

¹ Южно-Российский государственный технический университета (Новочеркасский политехнический институт), Россия

доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор

² Кубанский социально-экономический институт, Россия

кандидат исторических наук, доцент.

Аннотация. В статье раскрывается процесс становления и развития казачьего хутора на Кубани как адаптированного социально-экономического мироустройства переселившегося земледельческого населения. Показывается, как сменились целые поколения, которые заложили основу для процветания казачьего хутора к началу XX в. Выявлены причинно-следственные связи упадка хуторского хозяйства на Кубани к концу 1920-х гг.

Ключевые слова: иногороднее население; казачий хутор; «красные обозы»; миграция; переселенцы; тип поселений; храбрые кубанцы; хуторяне.